

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

УДК 94(47).027

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.143-156

ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ (к постановке проблемы)

А.А. Кузнецов

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, 603140, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются феномены массового «явления» личности и своеобразной демократизации истории России в Смутное время. Развивается вывод Д.С. Лихачева об «открытии» личности в русской литературе XVII в. Доказывается, что сначала личность появилась в социально-политическом пространстве России в Смутное время. Формулируется историко-антропологическая проблема исследования становления и развития в России личностного начала под влиянием деструктивных, трагических, неоднозначных событий Смутного времени. Ее решение заключается в проведении массовых биографических исследований на основе обширного источникового комплекса и методов просопографии, исторической антропологии. Массовое формирование «я» было связано с ситуацией выбора, инициативностью и решимостью совершить поступок. Катализатором массового «явления» личности стали постоянные войны второй половины XVI в. Сформировалось поколение дворян, привыкших принимать решения в условиях войны. В Смутное время такие поведенческие стратегии перенимались из дворянской среды представителями других социальных страт. Делается вывод о том, что эти обстоятельства определили активное участие народа в событиях Смутного времени в различных военно-политических лагерях, сменах политической ориентации. Тогда же происходит своеобразная демократизация истории России, что подтверждается и историческими источниками.

Ключевые слова: Смутное время, история России, личность, самозванчество, лидерство, узурпация, личная инициатива, Кузьма Минин, Борис Годунов, Василий Шуйский, Дмитрий Пожарский, Д.С. Лихачев, демократизация истории, биографика, просопография, кризис идеалистического биографизма, общественная консолидация

Русская литература XVII в. в движении от Средневековья к Новому времени «открыла» личность. Человек, личность которого изображается в литературе «бунташного века», в большей степени представлял низовые общественные слои. Герой из простонародья изображен в текстах того времени изнывающим от голода и холода, социальных притеснений и несправедливости [1, с. 231–247]. Именно страдания человека с последующей рефлексией порождают и заостряют ощущение

его «я». Д.С. Лихачев, автор приведенных наблюдений, исходил из специфики развития литературы Восточной Европы с момента ее зарождения – от стилей эпического и монументального историзма литературы Древней Руси через эмоционально-экспрессивный стиль, идеализирующий биографизм и его кризис в книжности средневековой России. И в этом потоке постижение «ценности человеческой личности», действительно, фиксируется в текстах XVII столетия. Но в приведенную схему вносятся существенные коррективы при учете культурно-исторического контекста «явления» личности в XVII в.

Литература, с позиции историко-культурного исследования, является не просто зеркалом действительности, но зеркалом с эффектом отсроченного отражения уже сложившихся, сформировавшихся образов социальных и политических отношений. Данный тезис подтверждается изучением соотнесенности историй России и русской литературы XVII в. Д.С. Лихачев рассматривал ее произведения на фоне процессов XVII столетия, которые порождали страдания людей: экономическое и военно-политическое преодоление последствий Смуты, включение Российского государства в модернизационную гонку с европейскими державами. Эти и другие задачи решались за счет усиления эксплуатации государством общества. Реакция и протест последнего на усиливающийся экономический гнет и выражались в народных восстаниях, актуализации традиций самозванчества, религиозных движениях старообрядчества. Но развертывание этих явлений наблюдается уже в Смуту начала XVII в. Вот в то время и надо искать рождение личности в российском масштабе.

Тогда простой, «маленький» человек ощутил свою незащищенность и одиночество перед голодом, гибелью близких, произволом разбоя (со стороны интервентов, казаков, болотниковцев, тушинцев, чуждых этнических групп и пр.) и незаконным всесилим «человека с оружием» или тех, кто действовал от имени власти и пр. В свою очередь, эти обстоятельства способствовали тому, чтобы, осознав свое незащищенное одиночество в тенетах Смуты, человек задумывался о способах противостояния ее вызовам и преодоления ее, предлагая новаторские решения очередных задач. Это требовало осознания себя личностью, способной на поступок. Таких персон в Смуту становится много. Сформированная личность в массовом порядке выходит на историческую сцену России примерно в 1608–1609 гг. Тогда деструктивный характер эпохи проявился в полной мере: восстание И.И. Болотникова, хоть и подавленное, положило начало первой Гражданской войне в России, рассеянные болотниковцы продолжали действовать; в Тушине обосновался стан Лжедмитрия II, военной опорой которого были поляки; в стране было два царя – тушинский и московский, что определило еще одну линию раскола; заключение договора со шведами положило начало их военному присутствию и будущей интервенции в России и готовило открытую польскую интервенцию... Вот тогда и стали вырисовываться две стратегии поведения: либо принять все происходящее и стать жертвой стихий, либо противостоять им. Вторая линия определяла появление в самосознании индивидов такого «я», которое будет видеть себя отдельной величиной в людском потоке, иногда подчиняя его своей воле и/или даже перенаправляя его. Парадоксально, но «я» родилось, когда стремительно обесценивалась человеческая жизнь – и чужая, и своя. Легкое отношение к смерти давало легкость в навязывании своей воли: несогласных просто

убивали. Здесь можно вспомнить и Кузьму Минина, и Прокопия Ляпунова, и Лжедмитрия I, и других, легко шедших на насильственное принуждение.

В Смуту происходила ломка традиционных социально-политических структур, когда «рушились средневековые авторитеты, и прежде всего авторитет власти». А.М. Панченко данный тезис подкреплял примерами из времени после Смуты [2, с. 19–20], однако, распространяя данное наблюдение на саму Смуту, можно заключить, что убийственное и бесчинное свержение Федора Годунова, воцарение (после противостояния терявшему властное обаяние Борису Годунову) и «культурноосквернительное» свержение Лжедмитрия I, утверждение на престоле, низвержение и пострижение в монахи (а затем и отправка в польский плен) Василия Шуйского, (по)хождения по стране самозванцев существенно девальвировали «навершие» социально-политической конструкции России. Она со своими ранее жестко организованными стратами и этикетными предписаниями расшатывалась, и людям уже было неуютно в ней. Ранее существовавший порядок не действовал, а если действовал, то приводил к неожиданным исходам, и человек вместо предписанных алгоритмов поведения вынужден был самостоятельно принимать решения и проявлять инициативу. Он должен был делать выбор в ситуациях альтернативных источников власти, заполнявших образовывавшийся раз за разом державный вакуум.

Еще один фактор способствовал рождению личности в истории России начала XVII в. – «долгая» война. В 1547–1584 гг. «русские войска не вели активных боевых действий всего... три года! Столь высокая интенсивность ведения войн вызвала появление такого феномена, как “военные поколения”. <...> При Иване Грозном выросло целое поколение, которое появилось на свет в условиях войны» [3, с. 56]. Сформировалась генерация, которая жила в условиях постоянного военного сверхнапряжения (перманентная боевая готовность стала обыденностью и повседневностью российского дворянства), на поддержание которого требовались экстренные меры по концентрации и расходованию ресурсов. «Размыться» этому социальному явлению не дали и шесть военных лет в царствование Федора Ивановича (1584–1598) [3, с. 56]. Война обуславливала принятие самостоятельных решений, обостряла инстинкт самосохранения при решении коллективных задач. Появление и закрепление феномена *Homo belli* на рубеже XVI – XVII вв., кроме издержек в виде brutality, жестокости, склонности к насилию и пр., было связано и с усилением «я». Данное настроение военно-служилого сословия должно было обратиться внутрь страны и «заразить» значительную часть мужского населения во время Смуты. За оружие брались представители всех слоев населения, защищая свои дома, поселения или реализуя корыстные намерения. Готовность к убийству у того, кто социально был ориентирован на созидательную деятельность, тем более обуславливала понимание глубины ответственности (после убийства или просто защиты своих интересов с оружием в руках, если это произошло в состоянии аффекта), раскаяние и поиск способов искупления. Естественно, данные процессы были сцеплены с индивидуализирующей рефлексией поступков.

Учет этих обстоятельств позволяет выдвинуть предположение о рождении личности в отечественной истории как значимого, массового социокультурного фактора в начале XVII в. Помещение феномена рождения личности в массовое

измерение позволяет увидеть актуализацию одного из важнейших факторов преодоления Смуты в России – слова и дела народа. Если в начале Смуты «народ безмолвствовал», то в ходе ее стало проявляться народное мнение и в своеобразной полифонии суждений, и в конкретных действиях. А это возможно лишь при наличии личностного самосознания.

Говоря о патриотическом порыве народа в 1610–1612 гг., составленном из людей с сформировавшимся личностным началом, нельзя принижать значение земных мотивов. Оголодавшие, истерзанные разбоями, произволом, терявшие родных и близких люди поднялись на защиту своего дома, угла, деревни, города и за восстановление того устройства, что обеспечивало бы порядок. Поэтому в ходе исследований Смутного времени надо больше внимания проявлять к утратам наших предков, чтобы придать антропологическое измерение массовой истории Смуты, чтобы понять, из какой бездны они вытащили себя и страну. И спасали ее «униженные и оскорбленные» лишенцы! Они и сейчас выглядят в историографии безликой народной массой – как масса останков из нижегородского некрополя 30-х годов XVII в. (Никольского погоста): средний возраст – 30 лет, рост – 150–160 см, локтевые хрящи, хрящи голеностопных суставов и коленей стертые, остеопороз (до сих пор неопубликованная информация, прозвучавшая на конференции). И такие люди спасли страну в боях голодного Смутного времени, в боях с профессиональными польскими воинами, наемниками, казаками, которые хорошо питались, умели и любили воевать, побеждать и т. д.! Спасли ценой собственного осознанного массового самопожертвования (благодарим за это наблюдение Б.М. Пудалова).

Именно таким был и представитель народа нижегородец Кузьма Минин. Известно о нем мало – есть сведения только о пяти годах его жизни в 1611–1616 гг. Историки стараются «вытянуть» из источников малейшую информацию о нем. Зачем? Чтобы взглянуть в «лицо» человека, спасшего Россию. Эта познавательная потребность актуализируется и за счет придания Празднику народного единства статуса события, формирующего общую российскую историко-культурную идентичность. Историки пытаются постичь дух нашего народа в его целостности и разделении на этносы, объяснить его любовь и волю к жизни, способность принести в жертву свое малое ради общего большого. И для понимания людей, которые жили в 1608–1618 гг., нужна биографика – конкретная, эмоционально раскаленная, через которую видны человеческие метания, ошибки, прозрения, муки выбора в тяжелую годину. И предпосылки для подобных исследований появляются с принятием тезиса о массовом «явлении» личности в Смуту.

Биографика Смутного времени сейчас развивается трудами А.В. Белякова, Г.А. Замятина, А.Ю. Кабанова, Г.М. Коваленко, В.Н. Козлякова, Д.В. Лисейцева, А.П. Павлова, Б.М. Пудалова, Я.Н. Рабиновича, А.А. Селина и др. В этих жизнеописаниях явлены не только цари и самозванцы, князья, воеводы, бояре, но и дворяне, дьяки, иерархи и низшие духовенство, простые горожане и селяне, чьими именами заполнены страницы исторических источников. Например, новгородцы, согласно исследованиям А.А. Селина, в Смуту признали власть шведов [4, с. 571]. Однако, когда встал вопрос о возвращении под российскую державную длань – ту самую, что на полвека раньше устроила в Новгороде разнузданный террор 1570 г., они добровольно и навсегда выбрали Москву [5, с. 359–360].

С пробуждением индивида Смута дала начало стремительной демократизации истории России. Народ ворвался в историю, и люди стали действовать не по законам своих социальных групп, корпораций. Самозванчество оборотной стороной имело личностную активность. Кузьма Минин – это тоже своеобразный самозванец. Кто он такой до 1611 г.? Купец-мясник – на фоне доблестных нижегородских воевод 1608–1610 гг.? Никто. Те организовали защиту Нижнего Новгорода от постоянных попыток штурма города болотниковцами и тушинцами в 1606, 1608–1609 гг. и возглавили очищение от них городских окрестностей в радиусе 100–200 км [6, с. 8–24]. Все это было связано прежде всего с выполнением обязанностей нижегородских воевод. А К. Минин призвал спасти страну. Он бросил вызов власти и влиянию легитимных лидеров, спасших Нижний Новгород. Минин пошел против законного порядка вещей, замахнувшись на державное. И воеводы могли задавить в зародыше его призыв. Лишь убедительность и эффективность выступления купца-мясника позволяют рассуждать о том, что он обладал определенной харизмой. Откуда она? Она могла родиться либо из воодушевляющего послания Гермогена в Нижний Новгород, либо в результате явления К. Минину Сергия Радонежского. В первом случае историческая реконструкция зиждется на факте доставки в Нижний Новгород грамоты патриарха в конце августа 1611 г. и начала созыва ополчения. Второй же вариант сомнителен, поскольку исходит из сообщения недостоверного источника о формировании ополчения под влиянием грамоты из Троице-Сергиева монастыря в октябре 1611 г. (не хватает времени для организации ополчения) и, как следствие, явления Кузьме Минину Сергия Радонежского [7, с. 177–184]. В любом случае можно говорить об эмоционально-отзывчивой экзальтированной натуре Кузьмы Минина, воспламенившейся под воздействием религиозного фактора. Отсюда его уверенность в собственной правоте и действиях, безапелляционность риторики.

Демократизация событий и социальных процессов Смуты заложила основы архетипа общественного единения сословий и групп в трудные, кризисные моменты России. При организации Второго ополчения отмечается общественная консолидация, символически выраженная союзом купца и земского старосты Кузьмы Минина, князя Дмитрия Пожарского и владыки Печерского монастыря Феодосия. Интервенты же в 1612 г. не поняли, что против них поднялся народ. Их знаменитая фраза: «Пусть хлоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, кузьмы пусть занимаются своей торговлей, – царству лучше тогда будет» (Д.Б., с. 580) – брошена, кроме прочего, как для раскола ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, так и для предотвращения его объединения с казачьими полками князя Трубецкого. Поляки (литовцы) исходили из своего привычного жестко структурированного мировидения социума. Но в России начал действовать алгоритм общественной консолидации, срабатывавший в кризисные моменты. Он будет проявляться вплоть до XX в. и станет темой и важным сюжетом художественной литературы: от романа «Война и мир», где главные герои сближаются, сливаются с народом, до произведений о Великой Отечественной войне, где, кроме прочего, идет поиск свидетельств единения всех и вся в ратном противостоянии.

Где же еще, кроме Нижнего Новгорода, проявился пестрый, шумный, буйный и уже единый народ в Смуту? В событиях 1609–1611 гг. смоляне без помощи и стимулов извне стойко защищают свой город. Это были дворяне, но что бы они

сделали без поддержки горожан? В 1608–1610 гг. монастырские крестьяне поднялись на защиту Троице-Сергиевской обители. В 1610–1611 гг. Прокопий Ляпунов выводит рязанских дворян на роковой для себя союз с казаками и создает ополчение. Нижегородцы отбиваются в 1608 г. от превосходящего противника, а потом – в 1609–1610 гг. – сами начинают «зачищать» округу. Это единение наблюдается даже в некоторых фазах восстания И.И. Болотникова, которое проходило в том числе и под лозунгом восстановления «правильного» царя. Без подобной социальной активности и ответственности не было бы К. Минина, без этой атмосферы коллективного «самостояния» его нижегородский клич был бы глазом вопиющего в пустыне.

Данные факты свидетельствуют о том, что процесс «собрания» общества в Смуту совпал с рождением личностного «я» как массового явления в истории России. И при этом: «Личное и историческое время обычно расходятся друг с другом... Тем же, кто лучше других успел выразить свое время, а то и опередить его, надо еще выдержать испытание повседневностью» [7, с. 7]. Фигура К. Минина, как и ряда других лидеров того времени (независимо от морального знака), в этом отношении знаменательна: он вдруг появляется из народной толпы, подчиняет массы своему замыслу и ведет их за собой. Кузьма Минин изменил направление сопротивления Нижнего Новгорода – от обеспечения самообороны до освободительного похода [8, с. 167] с целью утверждения «на Москве» «правильного» царя, способного восстановить порядок. К. Минин своим поступком-кличем вышел из «повседневности», в которой пребывал до 1611 г. Можно сказать, что после смерти он опять растворился в народной массе, да так, что его могилы не найти [9]. Прошел ли он испытание повседневностью, сказать трудно. По крайней мере, источники не позволяют этого сделать.

Яркие поступки всех разновеликих «героев Смуты» связаны с выбором, поскольку тогда ситуация принятия решений вышла из регламентированной социосферы. В бурных событиях начала XVII в. человек попадал в положение, когда решавшаяся проблема «выламывалась» из рамок, правил социальной семиотики, ритуала. До Смуты такие «полномочия» решения нестандартных задач были у царя и патриарха (митрополита) (это в разной степени проявлялось в Смуту у разных монархов и иерархов) и могли передаваться руководителям приказов, военных акций. В лихолетье структурного кризиса начала XVII в., когда девальвировались политические ритуалы, люди разных социальных страт вынуждены были принимать решения. В этом крылись истоки личной инициативы в Смуту: самозванчество, лидерство и пр. Тот же К. Минин выходит из народной гущи и берет на себя ответственность за свои действия. И этот его поступок не равнозначен решению Д.М. Пожарского взять на себя командование ополчением или воеводы Ф.И. Шереметева, прибывшего в 1609 г. в Нижний Новгород, сконцентрировать в своих руках всю власть. В этих двух случаях социальное положение и политические правила игры определяли стиль деятельности. Даже своеволие нижегородского воеводы А.С. Алябьева, когда он, казалось бы, ослушался указов правительства царя Василия Шуйского от 17 и 18 февраля 1609 г. и не пошел к Москве, находит рациональное объяснение – надо было очистить регион от деструктивных сил и поставить под контроль обе дороги на Москву – одну до Владимира, другую – вверх по Волге [6, с. 19].

Поступок же Кузьмы Минина равнозначен метаниям Прокопия Ляпунова, дерзновению Никанора Шульгина, решившего создать свое государство в Казани и Казанском уезде [7, с. 251–272; 10, с. 178–181], самоуправству казачьих атаманов – Заруцкого [7, с. 77–103], Просовецкого [11, с. 23–34] и др. Непривычно, но логично поставить в один ряд с К. Мининым первого самозванца, сознательно вовлекшегося в военно-политическую борьбу, – Григория Отрепьева. Поместить этих двух персонажей в один ряд мешают особенности исторической памяти, воспитание историей: они дали оценку их поступкам, за которыми стояли осознанный выбор и личностное начало. В случаях и патриотического порыва, и узурпаторства наблюдается «поведенческое» самозванчество (иногда без присвоения чужого имени) – либо внешнее (выдавание себя за царя), либо по постановке задач, решать которые имевшему дерзости не было предписано социально-политическим этикетом. Это было самозванчеством в смысле совершения поступка, выбивавшегося из рамок сословно-социальных правил, и удовлетворяло трем из пяти критериев самозванчества, предложенных О.Г. Усенко:

– после вхождения в новую социальную роль дальнейшее ее подкрепление целенаправленными действиями и выстраивание своего поведения для оправдания ожидания поверивших ему людей;

– самовосприятие и восприятие окружающими в новой социальной роли «не в шутку», а всерьез в обыденной, повседневной жизни;

– стремление вписаться в существующую социальную структуру (добавим: в новом качестве. – *А.К.*) [12, с. 76–77].

Изучение процесса формирования личностного начала в России в связи с самозванчеством позволяет увидеть и фактор, тормозивший складывание обоих явлений. Он заключался в привычном для традиционного общества осуждении тех, кто выделился. Надо признать справедливость слов: «Выскочек никогда не жаловали в истории, но особенно их не принимали в обществе, где весь уклад построен на иерархии, обусловленной родовыми связями, принадлежностью к определенному чину или сословию» [7, с. 16]. К. Минин оказался таким выскочкой. Бывшие у власти в Нижнем Новгороде воеводы остались в городе и обороняли его, а К. Минин с ополчением ушел восстанавливать царство. Это событие можно рассмотреть и в свете того, как ополчение – беспрецедентное явление, возникшее в хаосе Смуты, – было исторгнуто традиционными структурами, целью которых являлись защита города и верность той власти, которая признавалась законной [13, с. 40, 43, 45]. Если так, то в личностном плане «выскачка» Кузьма Минин, своим воззванием «затмивший» легитимные власти, был «выдавлен» традиционным нижегородским обществом. Яркие личности, массово проявившие себя во всех социальных слоях России в начале XVII в., должны были преодолевать инертность и торможение окружающих убежденностью в правоте своих действий и обретаемой харизмой (в понимании Макса Вебера).

«Самовыдвижение» с манифестированием личности не тождественно инициативному исполнению долга в ситуации выбора при условии вручения себя во власть кому-либо из легализованной державной структуры, то есть в рамках сложившихся ритуалов и социальных алгоритмов [14, с. 27–39]. Такое инициативное исполнение долга было осуществлено защитниками Смоленска (дворянами), Нижнего Новгорода (воеводами А.С. Алябьевым, Ф.И. Шереметевым)

и Троице-Сергиева монастыря в 1610 г. (монахами). Персонально таких служак, незаслуженно забытых героев Смуты «второго плана», представили в ряде очерков А.Ю. Кабанов и Я.Н. Рабинович [11], Б.М. Пудалов – в лице Михаила Ордынцева [6, с. 72–76] и др.

Парадоксально, но Кузьму Минина можно поместить и в один ряд с Борисом Годуновым и Василием Шуйским, сознательно шедшими к престолу (вопрос мотивов здесь не принципиален), с оговоркой, что у двух последних самозванчество носило монархический характер [12, с. 77]. Прежде чем говорить об этом, надо обратиться к положениям, прописанным Н.Я. Эйдельманом, разделявшим самозванчество от власти и самозванчество от народа, правда, применительно к XVIII в. Самозванчество от народа стимулировалось самозванчеством от власти [15, с. 56–61]. В конце XVI и в начале XVII в. самозванчество можно уподобить «самовыкликам» с претензией на власть. Борис Годунов был здесь одним из первых, кто через свои действия проявил себя претендентом на власть и невольно положил начало самозванчеству от народа (через выборы на Земском соборе). Сама ситуация определения Б. Годунова монархом в 1598 г. показательна. Описанная интрига показывает, как Б. Годунов организовывал выборы [16, с. 169–183]. Далее в рамках представленного Б. Годуновым общего алгоритма реализации своих претензий на власть действовали и Лжедмитрий I, и Василий Шуйский, и Лжедмитрий II. И в этом смысле К. Минин тоже «самовыкликнулся». Однако он выделяется в ряду инициативных личностей Смутного времени и является во всех смыслах знаковой фигурой. До описываемого периода, наверное, не найти в русской истории подобных примеров, когда человек, ломая социальные рамки, вдруг поднимался до того, чтобы решать задачи, соответствующие по уровню монарху и его окружению.

Именно в этом заключается проблемная новация, проявленная феноменом Смуты в изучении истории и культуры Отечества. В Древней Руси, в средневековой России до XVI в. личностное начало (кроме царей и иерархов), находившееся под спудом социально-семиотического этикета, приходится определять лишь по степени адекватности действий уже заранее прописанной траектории должностного соответствия. Смута «выдала» целую плеяду личностей – Прокопий Ляпунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский, Кузьма Минин заявили о себе сразу, а князья Д.М. Пожарский, Д.Т. Трубецкой были «вытолкнуты» событиями и процессами на авансцену истории. И по каким лекалам биографики все это изучать?

Устоявшиеся биографические методики и исследования в данном случае оказываются неэффективными. В культуре Древней Руси и средневековой России XI – XVI вв. господствовали стили исторического монументализма и идеализирующего биографизма, которые проявляются и в источниках, прежде всего в летописях, Степенной книге; они определяли видение и презентацию героев, в основном и прежде всего – князей (правителей), в плане (не)соответствия этическо-эстетическому идеалу. Другими словами, культура сама задавала рамки оценки личности и ее представления в текстах. И вот в Смуту происходит ломка традиционной для средневековой России аксиологической системы. Историю России заполнили личности.

Это – самозванцы, которые до отмены крепостного права будут постоянным социокультурным фактором истории России. Загадочный и жестоко-трагичный

контур Ивана Болотникова уже вмещает в себя личностное начало; страсть к авантюрам Ивана Заруцкого, гордыня Никанора Шульгина и искренний феномен Прокопия Ляпунова выдают их «я». В этой пестрой галерее есть место и Кузьмы Минина. Причиной их появления стали дерзновение на решение державных задач и умение повести за собой. Эти люди дали начало «демократизации» лидерства в русской истории.

Данный личностно-биографический аспект Смутного времени является одним из самых проблемных в научном освоении и постижении: и на уровне «автора» источника, и в плане персоны – исторического деятеля, и с позиции соотношения личности историка и личности персонажа, определяемых контекстом своих эпох. Кроме прочего, проблемность обусловлена и тем, что биографика – быстроменяющийся жанр с динамикой перемены задач. Условия, контекст эпохи, просопография, соотношение субъективного и объективного, вызов постмодернизма, коммеморативные практики и пр. – все это не может не влиять на изучение Смуты через биографику. К этому добавляется переходность, маргинальность Смуты – от эпохи «безмолвствующего большинства» до появления ярко выраженных индивидуальностей со своей волей, осознанием цели и пр. Несмотря на то что Смута постигалась российской историографией именно через интерес к личности, надо констатировать, что биографика Смутного времени еще не освоена и только-только начинается: тон на сегодняшний момент задают исследования В.Н. Козлякова, Д.В. Лисейцева (с экскурсами в биографику представителей приказной администрации) [17], А.А. Селина, А.В. Белякова (о Чингисидах, в том числе и в Смуту) [18], А.Ю. Кабанова, Я.Н. Рабиновича, Ю.М. Эскина (о князе Д.М. Пожарском) и др. Надо отметить, что упомянутые работы демонстрируют разные подходы – от классических до современных.

Изучение личностей Смутного времени невозможно без просопографического контекста многоликой массы конкретных людей той эпохи, известных по источникам. И в этом должна проявляться демократизация истории России, начавшаяся в Смуту: биографии, личностные стратегии героев «второго плана» – деятелей приказной системы, духовенства, купечества, ремесленников, казачества, служилых иноземцев – требуют своего исследования и сулят большие перспективы. Данные направления изучения важны еще по двум обстоятельствам. Во-первых, это логика – коммеморативная и историографическая – исторического выбора и «назначения» на позиции лидера – человека «первого плана». Исторические деятели (в любой культурной области), которые не воспринимаются современниками, в глазах потомков (стараниями историков) стремительно приобретают качество «главности». И как знать, может быть, те или иные персонажи, которые привычно рассматриваются не как главные, вдруг обретут статус личности? Во-вторых, данный исследовательский вектор позволяет поразмышлять на тему альтернативности в истории Смуты.

Массовое «явление» личности в начале XVII в. сопровождается качественными и количественными изменениями в источниковом комплексе биографики. До этого времени она представлена в биографических нарративах, целью которых было дать идеальное и приближенное к агиографии жизнеописание, что проявилось в Степенной книге 50–60-х годов XVI в. [19, с. 691], которая репрезентировала монархов Руси – средневековой России. Но в начале XVII в. смены

царей, лжедмитрии девальвировали эти ценности (см. [2]). Это в совокупности с интересом людей к показу трудных исторических условий, быту, мытарствам простых людей в социокультурных и политических катастрофах начала XVII в. породило кризис средневековой идеализации человека [1, с. 176–180]. Однако «явление» личности можно распространить не на все XVII столетие, но – увидеть в самом начале века. Интерес к иным ценностям порождал и новый общественный запрос на биографическую литературу. Другим фактором рождения личности стало то, что Смута сформировала в России целое поколение, и многих его представителей «взбаламутил вихрь бурных событий, динамизм перемен, частое общее с иностранцами» [20, с. 184] и предоставление возможностей личного и общественно-политического выбора. «Здоровый консерватизм» политического курса правительства Михаила Романова у таких людей порождал ощущение затхлости, разочарования. Примером тому являются слова Ивана Андреевича Хворостинина: «В Москве людей нет: все люд глупой, жить не с кем» [20, с. 184–185]. Таким людям в период наведения порядка, восстановления и приумножения жестких социально-политических структур нужна была литература иного рода, нежели та, что была построена на идеализирующем биографизме. Книги не только и не столько поучающие, сколько такие, которые могли бы стать собеседниками. Последнее было возможно при условии «прочтения» в них личностного начала автора или героя(ев).

Калейдоскоп событий, действующих лиц, угроз и вызовов в Смуту требовал при принятии решений быстрой и четкой информации, оценки риска, что породило огромный пласт делопроизводственной документации, где важными стали эмоциональность и «упор» на яркие характерные черты в передаче сведений о людях и событиях. Это привело к усилению акцента на индивидуальных чертах личностей и их действий в исторических источниках. Понятно, что рамки идеализирующего биографизма здесь были тесны.

При «подведении итогов» Смуты в Российском государстве по разным причинам понадобились отчеты о деятельности, службах, поступках ее участников. И большое количество этих отчетов писалось от первого лица, с позиции «я». Ярким примером являются сказки нижегородских дворян о своей службе в Смутное время в связи с земельными спорами 1628–1629 гг., в которых им брошены обвинения в том, что свои вотчины за верную службу они «вылгали», а на самом деле – были «в измене» [21, с. 265]. В этих сказках ответчики подтверждали верную службу тем силам, которые были за Москву и противостояли болотниковцам, тушинцам, казакам. Рассказывали либо о службе своих родственников, получивших эти земли, либо о своей. Во втором случае сказки Мясоеда Никитина сына Рокотова, Афанасия Петрова сына Суровцева, Федора Семенова сына Мостинина, Василия Федорова сына Приклонского, Григория Владимировича сына Жедринского, Афанасия Дмитриева сына Жедринского, Павла Семенова сына Арбузова, Дмитрия Семенова сына Карамзина являются полноценными «эго-документами» (С., с. 306–308, 309–310, 319–321, 322–324, 328–330, 330–332, 333–334, 334–336). В упомянутых текстах осознание своих заслуг, лаконичное перечисление доказательств личной безупречности способствовали возвращению личностного начала в среде служилых людей в Смуту и после нее.

Приведенные выше соображения нацелены на постановку историко-антропологической проблемы исследования процесса становления и развития в России личностного начала и самоидентификации под влиянием деструктивных, трагических, неоднозначных событий Смутного времени. Решение данной проблемы заключается в проведении массовых биографических исследований на основе просопографии, исторической антропологии и имеющегося обширного источникового комплекса.

Источники

- Д.Б. – *Осип Будила*. Дневник // Подвиг Нижегородского ополчения: в 2 т. – Н. Новгород: Книги, 2011. – Т. 2. – С. 572–586.
- С. – Сказки нижегородских дворян о службе в 1606 – 10 гг. // *Антонов А.А.* Историко-археографические исследования России XV – начала XVII века. – М.: Древлехранилище, 2013. – С. 306–336.

Литература

1. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 320 с.
2. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры: в 5 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. III: XVII – начало XVIII века. – С. 11–264.
3. *Филлошкин А.И.* Андрей Курбский. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 299 с.
4. *Селин А.А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII в.: очерки из жизни новгородского общества. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2017. – 720 с.
5. *Селин А.А.* Столбовский мир 1617 года. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2017. – 384 с.
6. *Пудалов Б.М.* «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. Историографический очерк. – Н. Новгород: Книги, 2011. – 80 с.
7. *Козляков В.Н.* Герои Смуты. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 351 с.
8. *Козляков В.Н.* Развитие земской идеи в нижегородском ополчении // Мининские чтения: Тр. науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского (20–21 окт. 2006 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – С. 163–179.
9. *Кузнецов А.А.* Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // Мининские чтения: Сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. – Н. Новгород: Кварц, 2012. – С. 171–177.
10. *Кабанов А.Ю., Семенов А.М.* Ивановский край в Смутное время. – Иваново: Иваново, 2010. – 304 с.
11. *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* Смутное время начала XVII века: судьбы участников. – Иваново: Изд. Епишева О.В., 2015. – 212 с.
12. *Усенко О.Г.* Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения: Материалы науч. конф., Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского (29–30 окт. 2004 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – С. 74–96.
13. *Кузнецов А.А., Морохин А.В.* Ополчение 1611–1612 гг. и власти Нижнего Новгорода: проблемы отношений // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. – М.: ЗАО «2К», 2012. – С. 39–46.

14. *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры: в 5 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. IV: XVIII – начало XIX века. – С. 13–347.
15. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. – М.: Вагриус, 2004. – 464 с.
16. *Козляков В.Н.* Борис Годунов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 311 с.
17. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – М.; Тула: Гриф и К, 2009. – 788 с.
18. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. – Рязань: Рязань. Мир, 2011. – 512 с.
19. *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. – 760 с.
20. *Кобрин В.Б.* Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М.: Политиздат, 1991. – С. 163–185.
21. *Антонов А.А.* К начальной истории нижегородского ополчения // Антонов А.А. Историко-археологические исследования России XV – начала XVII века. – М.: Древлехранилище, 2013. – С. 264–336.

Поступила в редакцию
26.09.2020

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Ленина, д. 27, г. Нижний Новгород, 603140, Россия
E-mail: nalbuz@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 6, pp. 143–156

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.143-156

Personal Identity during the Time of Troubles in Russia
(Setting Up a Problem)

A.A. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603140 Russia
E-mail: nalbuz@mail.ru

Received September 26, 2020

Abstract

This paper considers the phenomenon of personal identity development and democratization of the history of Russia during the Time of Troubles. D.S. Likhachev's opinion on the discovery of a personality in the Russian literature of the 17th century is discussed. It is demonstrated that the problem of personal identity in the socio-political space of Russia was raised for the first time during the Time of Troubles. Hunger, devastation, deprivation, underestimation of the value of human life paradoxically promoted the development of a view on the personal identity as an important element of life. The historical and anthropological problem of studying the formation and development of self-identification in Russia

under the influence of destructive and tragic events of the Time of Troubles is formulated. The above problem can be solved by carrying out a mass biographical research based on numerous sources and using the methods of prosopography and historical anthropology. The unremitting wars that took place in the second half of the 16th century favored the development of personal identity at the public level. A generation of nobles accustomed to making decisions under the war conditions emerged. In the Time of Troubles, other social groups adopted the behavioral strategies of the nobility. As a result, imposture, unregulated (both traditionally and legally) leadership in the Cossack hosts, robber gangs, and self-organized grouping became common. Under these circumstances, people were willing to actively participate in the events of the Time of Troubles and in the changes of the political course. Therefore, the historical sources confirm that the history of Russia exhibited the first signs of democratization during the Time of Troubles.

Keywords: Time of Troubles, Russian history, personality, imposture, leadership, usurpation, personal initiative, Kuzma Minin, Boris Godunov, Vasily Shuisky, Dmitry Pozharsky, D.S. Likhachev, democratization of history, biographics, prosopography, crisis of idealistic biographism, social consolidation

References

1. Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [A Human in the Ancient Russian Literature]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus, 2015. 320 p. (In Russian)
2. Panchenko A.M. Russian culture on the eve of the reforms of Peter I. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. III: 17th–early 18th centuries. Moscow, Shk. “Yazyki Russ. Kul't.”, 1996, pp. 11–264. (In Russian)
3. Filyushkin A.I. *Andrei Kurbskii* [Andrey Kurbsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2008. 299 p. (In Russian)
4. Selin A.A. *Smuta na Severo-Zapade v nachale XVII v.: ocherki iz zhizni novgorodskogo obshchestva* [The Time of Troubles in the Northwest during the Early 17th Century: Essays from the Life of Novgorod Society]. St. Petersburg, Russ.-Balt. Inf. Tsentr “Blits”, 2017. 720 p. (In Russian)
5. Selin A.A. *Stolbovskii mir 1617 goda* [The Treaty of Stolbovo of 1617]. St. Petersburg, Russ.-Balt. Inf. Tsentr “Blits”, 2017. 384 p. (In Russian)
6. Pudalov B.M. “*Smutnoe vremya*” i Nizhegorodskoe Povolzh'e v 1608–1612 gg. *Istoriograficheskiy ocherk* [“Time of Troubles” and Nizhny Novgorod Volga Region in 1608–1612. A Historiographical Essay]. Nizhny Novgorod, Knigi, 2011. 80 p. (In Russian)
7. Kozlyakov V.N. *Geroi Smuty* [Heroes of the Time of Troubles]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2012. 351 p. (In Russian)
8. Kozlyakov V.N. The development of the Zemstvo idea in the Nizhny Novgorod militia. *Mininskie chteniya: trudy nauch. konf., Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo (20–21 oktyabrya 2006 g.)* [The Minin Lectures: Proc. Sci. Conf. of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Oct. 20–21, 2006)]. Nizhny Novgorod, Izd. NNGU, 2007, pp. 163–179. (In Russian)
9. Kuznetsov A.A. Kuzma Minin's burial: Questions remain. *Mininskie chteniya: Sbornik nauchnykh trudov po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v. V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo Podviga* [The Minin Lectures. Proc. Scientific Papers on the History of the Time of Troubles in Russia during the Early 17th Century. Dedicated to the 400th Anniversary of the Nizhny Novgorod Feat]. Nizhny Novgorod, Kvarts, 2012, pp. 171–177. (In Russian)
10. Kabanov A.Yu., Semenenko A.M. *Ivanovskii krai v Smutnoe vremya* [Ivanovo Region during the Time of Troubles]. Ivanovo, Ivanovo, 2010. 304 p. (In Russian)
11. Kabanov A.Yu., Rabinovich Ya.N. *Smutnoe vremya nachala XVII veka: sud'by uchstnikov* [Time of Troubles in the Early 17th Century: Participants' Fates]. Ivanovo, Izd. Episheva O.V., 2015. 2012 p. (In Russian)
12. Usenko O.G. New data on the monarchical imposture in Russia during the second half of the 18th century. *Mininskie chteniya: materialy nauch. konf., Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo (29–30 okt. 2004 g.)* [The Minin Lectures: Proc. Sci. Conf. of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Oct. 29–30, 2004)]. Nizhny Novgorod, Izd. NNGU, 2005, pp. 74–96. (In Russian)
13. Kuznetsov A.A., Morokhin A.V. The militia of 1611–1612 and the government of Nizhny Novgorod: Problems of relations. In: *Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII veka: poiski vykhoda. K 400-letiyu “Soveta vseya zemli” v Yaroslavle* [The Time of Troubles in Russia during the Early

- 17th Century. Dedicated to the 400th Anniversary of the Council of All the Earth in Yaroslavl]. Moscow, ZAO "2K", 2012, pp. 39–46. (In Russian)
14. Lotman Yu.M. Essays on the history of Russian culture during the 18th–early 19th centuries. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. IV (18th–early 19th centuries). Moscow, Shk. "Yazyki Russ. Kul't.", 1996, pp. 13–347. (In Russian)
 15. Eidel'man N.Ya. *Gran'vekov* [The Edge of Centuries]. Moscow, Vagrius, 2004. 464 p. (In Russian)
 16. Kozlyakov V.N. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2011. 311 p. (In Russian)
 17. Liseitsev D.V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of the Muscovite Russia during the Time of Troubles]. Moscow, Tula, Grif i K, 2009. 788 p. (In Russian)
 18. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVIII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Genghis Khan's Descendants in Russia during the 15th–17th Centuries: A Prosopographic Research]. Ryazan, Ryazan'. Mir, 2011. 512 p. (In Russian)
 19. Usachev A.S. *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and Ancient Russian Literature during the Times of Metropolitan Macarius]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2009. 760 p. (In Russian)
 20. Kobrin V.B. Time of Troubles – lost opportunities. In: *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [Russian National History: People, Ideas, Solutions. Essays on the Russian History of the 9th–Early 20th Centuries]. Moscow, Politizdat, 1991, pp. 163–185. (In Russian)
 21. Antonov A.A. On the origins of the Nizhny Novgorod Militia. In: Antonov A.A. *Istoriko-arkheograficheskie issledovaniya Rossii XV – nachala XVII veka* [Historical and Archaeographic Studies of Russia in the 15th–Early 17th Centuries]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013, pp. 264–336. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Кузнецов А.А. Личностное измерение Смутного времени в России (к постановке проблемы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 143–156. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.143-156. ⟩

⟨ **For citation:** Kuznetsov A.A. Personal identity during the Time of Troubles in Russia (setting up a problem). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 143–156. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.143-156. (In Russian) ⟩